

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.723

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-4-74-81

Дата: поступления статьи: 08.10.2021
после рецензирования: 29.11.2021
принятия статьи: 20.12.2021

А.Ю. Швая
Социологический институт РАН,
филиал ФНИСЦ
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: andrewshvaya@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0948-4246>

Политико-культурное значение конфликтов по поводу православной символизации публичного городского пространства в контексте деполитизации

Аннотация: в данной статье приводятся результаты исследования двух наиболее ярких конфликтов: связанных с передачей Исаакиевского собора РПЦ и строительством храма святой Екатерины в Екатеринбурге. В этих столкновениях по поводу попыток изменить или переопределить публичное городское пространство прослеживается достаточно новая для российского исследователя гибридность религиозного и политического. Так, несмотря на наличие православных публичных акций, эти конфликты нельзя в полной мере назвать религиозными, при этом периферийность внутривнутриполитической повестки мешает называть их политическими. В этой связи изучение данных конфликтов требует особой методологической настройки. Благодаря теории социального перформанса Дж. Александера становится очевидным, что конфликтность смыслов внутри этих противостояний дает доступ для изучения отдельных проявлений современной политической культуры. Руководствуясь его методологией и используя подход к анализу дискурса Д. Сноу и его коллег, в проведенном автором исследовании анализируются дискурсы двух сторон противостояния в интернет-изданиях СМИ по двум указанным конфликтам.

Ключевые слова: православие; городское пространство; публичный актор; культурный смысл; дискурсивный фрейм; конфликт.

Цитирование: Швая А.Ю. Политико-культурное значение конфликтов по поводу православной символизации публичного городского пространства в контексте деполитизации // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 4. С. 74–81. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-74-81>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Швая А.Ю., 2021 – младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН, филиал ФНИСЦ, 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр. В.О., д. 57/43.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.Yu. Shvaya
Sociological Institute of the Russian Academy
of Sciences,
Branch of the Federal Research Sociological
Center of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: vulfovich-rm@ranepa.ru
ORCID: <http://orcid.org/000-002-1303-9057>

Polical and cultural significance of conflicts over the orthodox symbolization of public urban space in the context of depoliticization

Abstract: this article presents the results of a study of two of the most striking conflicts: the transfer of St. Isaac's Cathedral to the Russian Orthodox Church and the construction of the Church of St. Catherine in Yekaterinburg. In these clashes over attempts to change or redefine the public urban space, a hybrid of "the religious" and "the political" is quite new for a Russian researcher. So, despite the presence of Orthodox public actions, these conflicts cannot be fully called religious, while the peripheral nature of the domestic political agenda makes it difficult to call them political. In this regard, the study of these conflicts requires a special methodological setting (orientation). Thanks to the theory of social performance by J. Alexander, it becomes obvious that

the conflict of meanings within these confrontations gives access to the study of display of modern political culture. Guided by his methodology and using the approach to the analysis of the discourse of D. Snow and his colleagues, in the present research, carried out by the author, there have been analyzed the discourses of the two sides of the confrontation in online media publications concerning two indicated conflicts.

Key words: orthodoxy; urban space; public actor; cultural meaning; frame of discourse; conflict.

Citation: Shvaya, A.Yu. (2021), Polical and cultural significance of conflicts over the orthodox symbolization of public urban space in the context of depoliticization, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 4, pp. 74–81, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-74-81>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Shvaya A.Yu., 2021 – junior research associate of the authorities' sociology and the civil society sector, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, building 57/43, Sredniy Prospekt of Vasilyevsky Island, Saint Petersburg, 199178, Russian Federation.

Введение

Контекст деполитизации

Начиная с 2010 года в России заметно растёт число политических публичных акций, одной из главных черт которых стала связь с городским пространством. Те или иные места, объекты наделяются публичными акторами определенными смыслами и тем самым вписываются в их интерпретацию происходящего. Опираясь на социологов, изучающих общественные движения, можно утверждать, что такая политическая символизация городского пространства связана со специфическим контекстом деполитизации, характерным для постсоветской России. Одну из наиболее продуктивных концепций предложила американский социолог Нина Элиазоф. Рассматривая деполитизацию через дихотомию «приватного» и «публичного» Х. Арндт, но настаивая на взаимопроницаемости этих двух сфер, Элиазоф обнаруживает элементы деполитизации и в представлениях американских волонтеров. Так, комментируя свою протестную активность, они подчеркивают, что не участвуют в политике, а борются только за то, что «ближе к дому», «затрагивает их лично» или их детей, частную собственность, память местного сообщества и пр. (Eliason 1997, p. 608–609). Такой «побег» в сферу приватного от публичного и политического характерен и для постсоветской России, где долгие годы доминирование официальной «политики» выхолащивало собой возможности проявления реальных политических проблем в публичной сфере. В этом смысле кажущаяся индивидуалистичной и эгоистичной интонация обоснования собственной активности во многом, по словам Элиазоф, связана с амнезией предыдущих поражений в публичной сфере (Ibid, p. 613–614). Вследствие этого доминирующей становится риторика «малых дел» (“small issues”), тогда как центральные вопросы политической повестки воспринимаются как «далёкие от дома и невыполнимые». Автор также отмечает, что уйти в частную жизнь не так уж и просто (Ibid, p. 610), поэтому происходит приватизация отдельных

сегментов публичного, которые символизируются как борьба за охрану личного и приватного.

Теперь благодаря этой концепции в другом свете предстают конфликты, связанные с православной символизацией публичного пространства. Как в случае с передачей Исаакиевского собора РПЦ, так и со строительством храма святой Екатерины в сквере у театра драмы в Екатеринбурге протестующие указывают на то, что их высказывания и спор с другой стороной конфликта имеют неполитический характер и скорее являются экономической, культурной либо экологической проблемой. К тому же предшествующий опыт конфликтов в городском пространстве с участием представителей православия касался в основном строительства православных храмов в скверах и парках, что можно вслед за информантами Н. Элиазоф назвать «близкими к дому» проблемами.

Несколько другую интерпретацию контекста деполитизации даёт нам Элизабет Беннет и её соавторы. В их концепции деполитизация подразумевает «очищение» публичного от «грязи» политического, стратегическое превращение политического в стигму для расширения возможностей гражданской активности. Тем самым происходит противостояние «хорошей» публичной политики «плохой» официальной политики (Baioochi, Corder, Bennett, Klein, Savell 2013, p. 523). Такое вымещение «грязной» политики «добром» гражданской активности подразумевает наличие развитого публичного пространства, в котором происходит борьба за освобождение и демократизацию публичной политики. В этом и состоит принципиальное отличие от концепции Н. Элиазоф: происходит не приватизация публичного политического, а публичное очищается от «грязного» политического. На сопоставлении двух этих трактовок деполитизации возникает третья (ее можно отнести к К. Клеман), примиряющая логика которой подразумевает переход от «приватизации публичного» по Элиазоф к «очищению публичной политики» Беннет и ее соавторов. Так, активность граждан перетекает от защиты

собственных частных интересов к постоянно-му активизму, создавая «анклавы публичности» (Клеман, Мирясова, Демидов 2010). Отрицание политического смысла своего активизма при этом сохраняется, так как исходная мотивация состоит в «полумках» приватно-близкого и восстановлении границ приватной сферы людьми, которые ранее не проявляли коллективной гражданской активности (Журавлев 2015, с. 40–41). Таким образом, применимо к описанию постсоветского контекста деполитизации, можно утверждать, что концепции Н. Элиазоф и Э. Беннет являются не только переходящими одна в другую, как это предлагает интерпретировать К. Клеман, говоря об «анклавах публичности», но и выступают в качестве отдельных стратегий, которые могут реализовываться различными группами публичных акторов, что и будет кратко проиллюстрировано на примере двух рассматриваемых конфликтов.

Появление православия в публичном пространстве

Помимо контекста деполитизации, для интерпретации результатов исследования конфликтов по поводу православной символизации городского пространства важно понимать и то, что вместе с «новыми» людьми, создающими «анклавы публичности», «новыми» становятся и концепции публичного городского пространства. Прежние трактовки «публичного пространства», отсылающие, как правило, к определенной городской территории, уступают место более мобильным и гибридным формам публичности, которые оказываются опосредованными динамикой и содержанием социальных интеракций (Паченков 2012, Урри 2012).

Наряду с другими публичными акторами, в городском пространстве появляются и представители православия. Выход православия из непубличной сферы религиозности стал заметен в позднем Советском Союзе, когда оно проникает в публичное пространство через отождествление себя с русской культурой, сливаясь с культурным наследием (Кормина, Штырков 2015). В последующем представители РПЦ принимали непосредственное участие в политике, однако уже с начала 2000-х православие перестает присутствовать в публичном пространстве в качестве самостоятельного политического актора и всё чаще обнаруживает себя в церемониале, риторике элиты (Roche 2015, Fischer 2013, Ухватава 2018, Паркова 2009), а также во внутренних взаимодействиях с ней (Митрохин 2004, Филатов 1994, Филатов, Бурдо 2005). Наконец, в последние годы можно наблюдать появление православной публичной активности, укорененной в городском пространстве, но вместе с тем развивающей более общие смысловые структуры. Как уже было отмечено,

такие интерпретации порождают конфликты. Поэтому наиболее интересным представляется дискурс участников таких конфликтов, поскольку в нем становится заметным, как изначальные позиции публичных акторов претерпевают изменения, присоединяя к себе другие, более широкие контексты. В случае, когда содержание позиции и конфигурация акторов одной из сторон достигают своей завершенности, перестают быть оспариваемыми, можно говорить об обнаружении конвенционального, культурного смысла (Alexander 2006, р. 5, 33, 51–52, Hunter 1992). Чаще всего исследователи используют для выявления складывающихся конфигураций культурных смыслов модель травмы, где жертва посредством символов, событий прошлого и мифов пытается распространить свою интерпретацию происходящего (Giesen 2014, Олик, 2012, Завершинский 2015, Малинова 2013, Ефремова 2014). Именно эти компоненты символического производства в публичном пространстве крупных российских городов и их взаимосвязь с социально-структурными характеристиками участников интересовали автора данного исследования.

Результаты проведенного исследования

Изучение двух данных конфликтов, имеющих уникальный характер сочетания религиозного и политического в своей дискурсивной и социальной структурах, благодаря применению разработанной в рамках данного исследования методологии позволяет выявлять политико-культурные смыслы и ценностные матрицы. Иными словами, данные конфликты с участием представителей православия и оппонировавших им сил дают доступ к изучению современной политической культуры. Редким является и применение теории социального перформанса в отечественных исследованиях. Тем не менее результаты, которые удалось получить по итогам проведенного дискурс-анализа, показывают эффективность применения теории социального перформанса к российским культурным реалиям и, что важно, к анализу такого нового феномена, как православные публичные акции в городском пространстве.

Так, на основе подобранных материалов по двум конфликтам (257 (по конфликту в Петербурге) и 86 (по конфликту в Екатеринбурге) статей интернет-изданий СМИ, освещавших конфликты и участвовавших в нем акторов) были выделены дискурсивные фреймы и прослежены семантические связи между ними, также фиксировались и трансформации в социальной структуре, где выделяется роль отдельных публичных акторов в продвижении тех или иных смыслов. В результате анализа дискурсов обоих событий, во-первых, выделяются траектории трансформации дискурсивной и социальной структур каждого из кон-

фликтов, и, во-вторых, выделяются те конфигурации смысловой и социальной структур, которые приводят к «закрытию» обсуждения в обозначенном дискурсивном пространстве и прекращению конфликта. Именно эти, наиболее стабильные смыслы рассматриваются как значения современной политической культуры, дающие представления о наиболее фундаментальных принципах организации политического взаимодействия.

Так, наиболее важными результатами анализа дискурса конфликта по поводу передачи Исаакиевского собора РПЦ можно назвать выделение переломных моментов дискурса (а также связанных с ними изменений в социальной структуре) и, собственно, самих культурных смыслов. Разумеется, результаты здесь кратко представлены со стороны защитников музея, так как именно представители этой стороны конфликта в наибольшей степени оказались агентами проявления культурного смысла. Здесь особого внимания заслуживает мимикрия музейного сообщества под те коллективные представления, которые позволили расширить институциональную и структурную базу, чтобы обратиться напрямую к представителям федеральной элиты (к Д. Медведеву, В. Путину, депутатам Государственной Думы). Это отход от прогрессистского дискурса о технологичности оборудования музея к традиционализму и выражению обеспокоенности по поводу сохранности экспонатов. Также после успешного исполнения интерпретаций прошлого музея и его работников, а также после демонстрации честности и подотчетности своих доходов защитникам музея удается произвести символическое разделение Церкви и Государства, одновременно демонстрируя при этом близость и лояльность Государству. Именно на этом этапе конфликта благодаря концентрации институциональных и публичных ресурсов (*social forces*) в виде различных структур, относящихся к сфере культуры, музейному сообществу удастся перейти от Города как основания легитимации к Государству. В ответ на обвинения со стороны последних в «борьбе против православия» сотрудники музея демонстрируют свою православную принадлежность и тем самым прочнее связывают себя с Государством, пластично принимая те его атрибуты, которые существуют в коллективных представлениях. Наконец, музейное сообщество демонстрирует поддержку ещё одного атрибута лояльности Государству – непубличности, стараясь не высказываться на политические темы. Благодаря этому успешному маневру музейное сообщество автономизируется и становится служащей Государству, сторонящейся публичности, отстаивающей традиционалистские ценности силой, в то время как оппозиционные депутаты Законодательного собрания, являясь более политизированной группой защитников музея, высту-

пают за свободы граждан, публичное и законное решение вопроса передачи собора. Тем не менее основная часть дискурсивных фреймов задаётся музейным сообществом, а публичный протест зачастую выполнял роль *social force*, помогал продвигать те или иные смыслы, влиял на изменения в социальной структуре.

В результате этих успешных социальных перформансов удается выделить культурные смыслы. Так, политической культуре Санкт-Петербурга характерна демонстрация служения Государству (причём локализованному в федеральном) в противовес независимому бизнесу и собственному обогащению (последним удастся обозначить в итоге Русскую православную церковь), общероссийская коллективная идентичность оказывается фундаментальнее и прочнее локальной (региональной). Также региональная административная элита Санкт-Петербурга оказываются слабее и менее самостоятельной. Важным условием достижения компромисса в конфликте оказалась и демонстрация православной принадлежности, что позволяет назвать этот признак характеристикой современной политической культуры. Интересно и культурное значение равенства, после которого произошло «закрытие» дискурса в рамках данного фрейма. Так, под равенством понимается не отсутствие платы за вход в собор для всех граждан, но скорее взаимное уважение и отсутствие избыточных требований со стороны отдельной доминирующей группы (в данном случае религиозной). Ещё одним культурным смыслом является традиционное обоснование права, т. е. с ориентацией на прошлое. Наконец, публичность признается избыточной и лишней в решении таких вопросов. В этом смысле важен контекст деполитизации в современной культуре, его мы увидим и в культурных смыслах екатеринбургского конфликта.

Второй кейс также оказывается конфликтом с участием представителей православия в городском пространстве. Однако если в Санкт-Петербурге передача Исаакиевского собора была инициирована губернатором Г. Полтавченко после негласной «договоренности» с Патриархом Кириллом, то конфликт по поводу строительства храма святой Екатерины был инициирован представителями региональной экономической элитной группы при участии церкви. В этой связи очевидно и принципиальное различие в роли РПЦ в петербургском и екатеринбургском конфликтах. Так, в первом конфликте почти с самого начала можно проследить активное участие региональных и федеральных представителей церкви, в то время как в Екатеринбурге церковь играет слабую роль в сравнении с бизнесом, администрациями города и региона. Подтверждения этому удастся найти и при анализе дискурсивных форм. В ека-

теринбургском конфликте представители церкви в основном используют такие выражения, как «провести разъяснительную работу», «достичь общественного согласия», использование «механизмов выражения мнения». Подобные обороты широко представлены в дискурсе мэра города А. Высокинского, а также губернатора области и представителей административных структур в целом.

Ключевыми результатами анализа дискурса этого конфликта являются трансформация дискурсивной и социальной структуры, а также те смыслы и конфигурации публичных акторов, которые приводят к компромиссу. Так, защитники сквера тоже создают более успешную интерпретацию прошлого, чем представители церкви, отстаивая самостоятельную историческую ценность сквера у Драммы. Закрыв таким образом обсуждение темы прошлого, защитники сквера начинают выстраивать консервативный дискурс (что их сближает с представителями музейного сообщества в первом конфликте), который выражается в развитии «зеленой» темы, в охране «заповедной зоны» и «сердца города». В результате цепочки успешных социальных перформансов им удастся сделать сквер Символом города, которым представители РПЦ считают храм. Однако самым эффективным социальным перформансом оказывается продвижение фрейма «деполитизации». Так, защитники сквера демонстрируют свою отстраненность от политики и внутриполитической повестки. Несмотря на участие в их уличных собраниях Левого фронта и Штаба Навального, им удастся дискурсивно символизировать свои собрания как «флешмобы», «переключки», «прогулки по скверу», фестивали музыки и т. д. Привлечение большого числа быстрооблизуемых горожан, в том числе людей, занимающихся искусством, позволяет исполнителям социального перформанса вписать политический митинг в защиту сквера в концертно-фестивальный жанр публичного мероприятия. Еще один социальный перформанс, который противники строительства успешно исполнили, был осуществлен в рамках дискурсивного фрейма «коммерческой выгоды». Значительная роль крупного бизнеса (глава РМК Игорь Алтушкин и глава УГМК Андрей Козицын), ставшего инициатором строительства храма, и слабая представленность церкви в дискурсе конфликта позволили легко обозначить сторонников строительства как ищущих коммерческую выгоду, что в целом сближает эти смысловые траектории с теми, что были описаны в петербургском конфликте.

Заключение

Обобщая вышесказанное, можно выделить конфигурацию культурных смыслов, центриро-

ванных, как и в конфликте по поводу Исаакиевского собора, на дискурсивном фрейме (master frame) «справедливости». Так, соответствующим политической культуре является опора на прошлое как траекторию легитимации того или иного решения. Традиционалистские ориентации на сохранение исторически значимого места в городском пространстве, на сохранение природы. Важным оказывается и объединение горожан, которое обозначается не только через символы прошлого, но и посредством символов городского пространства, развлекательной атмосферы коллективной радости и открытости (что особенно ярко проявляется в ежедневном общении на сходах с настоятелем Храма на Крови М. Миняйло). Характерным для политической культуры смыслом оказывается и причастность к общему городскому или государственному благу, чему противопоставляется зарабатывание денег и стремление к получению выгоды. В отличие от первого конфликта в спорах по поводу строительства храма св. Екатерины публичная договоренность и обсуждение всё-таки становятся характеристиками политической культуры. Наконец, ключевым выступает контекст дистанцирования от политического, который оказывается наиболее стабильным и необходимым для дискурса справедливости в данном конфликте.

Таким образом, можно видеть несколько пересечений в значениях политической культуры обоих конфликтов. Эти стабильные и воспроизводимые смыслы также синонимичны в стремлении к «непубличности» в случае музейного сообщества и «деполитизации» в случае защитников сквера. Активное участие в уличных протестах последних объясняет снятие склонности одобрять «непубличность» решения, что говорит о более устойчивом и развитом делиберативном гражданском публичном пространстве в Екатеринбурге. При этом разобранные концепции деполитизации обязывают нас более точно определить сходства и различия неполитической самоидентификации участников этих конфликтов. Так, из результатов анализа выделенных дискурсивных фреймов очевидно, что публичными акторами используются различные стратегии дистанцирования от политики и ее стигматизации. Например, в Екатеринбургском конфликте «неполитический» характер акций не отрицает их публичность и направлен в большей степени на вымещение «грязной» официальной политики, потенциально конфликтной и убыточной для протестующих, перенося тем самым акции в защиту сквера в область досуга, развлечения и прочих сегментов коллективной публичной (но «неполитической») сферы. В случае передачи Исаакиевского собора имеет место распределение ролей и стратегий между отдельными группами публичных акторов. Так, представите-

ли РПЦ и администрации города с самого начала демонстрируют непубличный и неполитический характер решения о передаче собора церкви. Эту стратегию во многом разделяют и представители музейного сообщества. Однако оппозиционные депутаты и прочие противники передачи выносят этот вопрос в публичное пространство. В ходе развития конфликта и особенно ко времени достижения «консенсуса» происходит распределение стратегий активности. Так, противники передачи собора церкви в лице оппозиционных депутатов, общественных объединений и прочих движений выходят на митинги, проводят акции, подают иски в суд, проводят пресс-конференции, тогда как представители музейного сообщества, декларируя лояльность государству и городским властям, мобилизуют институциональные возможности культурной сферы для доказательства невыгодности и ущербности решения. Таким образом, можно видеть, как переплетаются и распределяются стратегии «очищения публичного» Э. Беннет и «приватизации публичного» Н. Элизаоф, конституируя те или иные характеристики политической культуры двух крупных городов.

Значимым представляется также стремление противников передачи собора, как и противников строительства храма, обозначить, что их протест не является «антирелигиозным», т. е. против православия как такового, в чем их в обоих случаях обвиняла другая сторона конфликта. Этот момент представляется крайне интересным и перспективным для исследования, так как в данном случае стратегии деполитизации приводят публичных акторов к равному дистанцированию как от всего «политического», так и от «религиозного». Несмотря на все это, защитники сквера демонстрируют свою православную идентичность, чтобы размыть упреки в атеизме. Этот параметр политической культуры для обоих конфликтов остается общим.

Библиографический список

Головин Н.А., Клебанов А.А., Сибирев В.А. Сетевые сообщества в борьбе вокруг Решения передать Исаакиевский собор Русской православной церкви (январь-июнь 2017 года) // Мониторинг. 2018. № 1 (143). С. 296–317.

Ефремова В.Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: Возможности теоретического описания // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др., Москва, 2014. С. 66–79.

Журавлев О. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011–2012 гг. Политика аполитичных: Гражданские движения в России

2011–2013 годов / Коллективная монография; Алюков М.Л., Ерпылева С.В., Желнина А.А., Журавлев О.М., Завадская М.А., Клеман К., Магун А.В., Матвеев И.А., Невский А.В., Савельева Н.В., Туровец М.В.; редакторы Ерпылева С.В., Магун А.В. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. С. 27–70.

Завершинский К.Ф. Политический миф в символических практиках властных коммуникаций: теоретические экспликации // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. Москва, 2015. С. 92–107.

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. Москва: Три квадрата, 2010.

Кормина Ж.В., Штырков С.А. «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте; под ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2015. С. 7–45.

Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2013. № 1. С. 114–130.

Митрохин Н.А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. Москва: Новое литературное обозрение, 2004.

Олик, Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.

Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас 2012. №117. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33.html> (Дата обращения: 12.04.2019).

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. Москва: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012.

Ухватова М.В. «Напутствия охранителей»: Религиозная риторика на инаугурациях губернаторов в России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 2. 2018. С. 84–101.

Филатов С.Б. Русская православная церковь и политическая элита // Религия и политика в посткоммунистической России. Москва: ИФ РАН, 1994. С. 99–118.

Alexander, J.C. (2006), Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy, *Social*

Performance Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual, ed. by Jeffrey C. Alexander Bernhard Giesen Jason L. Mast. Cambridge University Press, pp. 5, 33, 51–52.

Baiocchi, G., Corder, A., Bennett, E., Klein, P., Savell, S. (2013), Disavowing Politics: Civic engagements in an Era of Political Skepticism, *The American Journal of Sociology*, vol. 119, pp. 518–548.

Eliasoph, N. (1997), Close to Home: The work of avoiding politics, *Theory and Society*, no. 26, pp. 605–647.

Fischer, J. (2004), Religious Rhetoric in US Presidential Inaugural Addresses: A Meta-Analysis, *Emergence: A Journal of Undergraduate Literary Criticism and Creative Research*, no. 4, pp. 20–34.

Giesen, B. (2014), Cultural Trauma and Religious Identity, *Oxford Handbooks Online*, [Online], available at: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935420.001.0001/oxfordhb-9780199935420-e-001?rsk=1b42tK&result=2> (Accessed 1 October 2021).

Hunter, J.D. (2009), The Culture War and the Sacred/Secular Divide: The Problem of Pluralism and Weak Hegemony, *Social research. The Religious-Secular Divide: The U.S Case*, vol. 76, no. 4, pp. 1307–1322.

Papkova, I.A. (2009), «Contentious Conversation: Framing the „Fundamentals of Orthodox Culture“ in Russia», *Religion, State & Society*, vol. 37, no. 3, pp. 291–309.

Roche, M.A. (2015), *Rhetoric, Religion, and Representatives: The Use of God in Presidential Inaugural Addresses from 1933 to 2009 as Reflections of Trends in American Religiosity*. Ph.D. diss, Florida State University, Tallahassee.

References

Golovin, N.A., Klebanov, A.A., Sibirev, V.A. (2018), Social networks in a bid for the decision to transfer Saint Isaac's Cathedral to the Russian Orthodox Church (January-June 2017), *Monitoring*, no. 1 (143), pp. 296–317.

Efremova, V.N. (2014), State holidays as instruments of semiotic policy: possibilities of theoretic description, *Semiotic policy: Collection of scholarly works*, Russian Academy of Sciences. Institute of Scientific Information for Social Sciences, Centre for social-scientific and scientific-informational researches. Department of the political science. Editorial board: Malinova O.Yu., chief editor and others, Moscow, Russia.

Zhuravlev, O. (2015), *Persistency of post-Soviet depoliticization and politicization of 2011-2012. Politics of the nonpolitical: civil movements in Russia of 2011-2013 years*, Multi-authored monograph, Aliukov M.L., Erpyleva S.V., Zhelnina A.A., Zhu-

ravlev O.M., Zavadskaya M.A., Kleman K., Magun A.V., Matveev I.A., Nevskiy A.V., Saveleieva N.V., Turovets M.V., editors: Erpyleva S.V., Magun A.V., Novoye Literaturnoye Obozreniye Publishing House, Moscow, Russia.

Zavershinskiy, K.F. (2015), Political myth in the symbolic practices of the authorities' communications: theoretical explication, *Semiotic policy: Collection of scholarly works*, Russian Academy of Sciences. Institute of Scientific Information for Social Sciences. Centre for social-scientific and scientific-informational researches. Department of the political science, Editorial board: Malinova O.Yu., chief editor and others, Moscow, Russia.

Kleman, K., Miriasova, O., Demidov, A. (2010), *From philistines to volunteers. The beginning of the social movements in modern Russia*, Tri Kvadrata Publishing House, Moscow, Russia.

Kormina, Zh.V. and Shtyrkov, S.A. (2015), “That is our Russian-specific, and there is no way round it”: prehistory of post-Soviet desecularization, *The invention of religion: desecularization in post-Soviet context under the editorship of Kormina Zh.V., Panchenko A.A., Shtyrkov S.A.*, European University in Saint Petersburg Publishing House, Saint Petersburg, pp. 7–45.

Malinova, O.Yu. (2013), The problem of the politically “natural” past and evolution of the official semiotic policy in post-Soviet Russia, *Political conceptology. Rostov-on-Don*, no. 1, pp. 114–130.

Mitrokhin, N.A. (2004), *Russian Orthodox Church: modern state and actual problems*, Novoye Literaturnoye Obozreniye, Moscow, Russia.

Olick, J. (2012), Figuration of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case, *Sociological Review (Sociologicheskoye obozreniye)*, vol. 11, no. 1, pp. 40–74.

Pachenkov, O. (2012), Public space of a city in the face of challenges of modernity: mobility and publicity overindulgence, *Reserve Funds (Neprikosnovennyj Zapas)*, no. 117, [Online], available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33.html> (Accessed 12 Apr 2019).

Urry, J. (2012), *Mobilities. Translated from English by English by Lazareva A.V.*, Editorial and consulting group “Praksis”, Moscow, Russia.

Ukhvatova, M.V. (2018), “Farewell words of the guardians”: Religious rhetoric during the inauguration of the Region Heads in Russia, *Politics: Analysis, Chronicles. Forecast (Magazine of the Political Philosophy and Politics' Sociology)*, no. 2, pp. 84–101.

Filatov, S.B. (1994), Russian Orthodox Church and political establishment, *Religion and Politics in post-communist Russia*, Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, pp. 99–118.

Alexander, J.C. (2006), Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy, *Social*

Performance Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual, ed. by Jeffrey C. Alexander Bernhard Giesen Jason L. Mast. Cambridge University Press, pp. 5, 33, 51–52.

Baiocchi, G., Cordner, A., Bennett, E., Klein, P., Savell, S. (2013), Disavoiwing Politics: Civic engagements in an Era of Political Skepticism, *The American Journal of Sociology*, vol. 119, pp. 518–548.

Eliasoph, N. (1997), Close to Home: The work of avoiding politics, *Theory and Society*, no. 26, pp. 605–647.

Fischer, J. (2004), Religious Rhetoric in US Presidential Inaugural Addresses: A Meta-Analysis, *Emergence: A Journal of Undergraduate Literary Criticism and Creative Research*, no. 4, pp. 20–34.

Giesen, B. (2014), Cultural Trauma and Religious Identity, *Oxford Handbooks Online*, [Online], available at: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935420.001.0001/oxfordhb-9780199935420-e-001?rskey=1b42tK&result=2> (Accessed 1 October 2021).

Hunter, J.D. (2009), The Culture War and the Sacred/Secular Divide: The Problem of Pluralism and Weak Hegemony, *Social research. The Religious-Secular Divide: The U.S Case*, vol. 76, no. 4, pp. 1307–1322.

Papkova, I.A. (2009), «Contentious Conversation: Framing the „Fundamentals of Orthodox Culture“ in Russia», *Religion, State & Society*, vol. 37, no. 3, pp. 291–309.

Roche, M.A. (2015), *Rhetoric, Religion, and Representatives: The Use of God in Presidential Inaugural Addresses from 1933 to 2009 as Reflections of Trends in American Religiosity. Ph.D. diss*, Florida State University, Tallahassee.

Submitted: 08.10.2021

Revised: 29.11.2021

Accepted: 20.12.2021